

Из дневников 2005

12 января 2005 г. (среда) Вчера взял бутылку водки за 1200 у Миши в забегаловке, где собираются алкаши и сало у Димы на базаре очень дешево и, конечно, соль за 200 сумов. Закурил на перекрестке, заходил к Махаму. Выпил 200 грамм водки с хлебом, солью и куском рыбы, выпрошенной в забегаловке за 50 сум вместо 100 сумов, напился и жаловался по телефону Арслану, Лизе, Ольге на щенков Зураба и Алишера, выгнавшим утром меня от мамы, которая орала на меня с инвалидного кресла.

Купил у Тани в «букинисте» на улице Гагарина биографии Вашингтона, Франки, Идена, Черчилля, де Голля. Утром пил шампанское и блевал до вечера, валялся с отходняком, вспоминая Зарину. Я вчера звонил ей, предлагая заняться моим архивом. Она ругалась. Я понял, что она любит и жалеет меня, и сам я признался ей в любви. И мне стало тепло от сознания, что меня любят. Я почувствовал себя счастливым.

Вечером искупался, постирал трусы и поехал в церковь к «овечкам» Христовым, где застал троих слушателей Владимира Гавриловича, Джура-ака, старого киргиза, выпросившего себе большую библию. Владимир Гаврилович напугал меня своей агрессивной злобой к миру. Потом пришли Андрей с Эдиком и пили чай с бутербродами с баклажаном. Эдик спросил меня о том, кто я по профессии? Работаю ли и есть ли семья? Я ответил, что проживаю в чужой квартире, временно не работаю, с семьей в разводе.

Долго добирался обратно на медленном автобусе. Купил 7 сигарет за 150 сум.

В «столовой овечек», так я называю домовую церковь Климента, вижу как с жадностью жрал и прятал хлеб Владимир Гаврилович, что ходит туда пешком аж с Тракторного завода.

14 января 2005 г. (пятница). 13-00. Сходил на базарчик, купил самсу большую за 250 с бараньим жиром у ВалИ и 200 грамм водки. Поел в углу холодной забегаловки, покурил, слушая жалобы старика, брошенного в общежитии сыновьями (они в России) и с женой, живущей с другим мужиком в той же квартире. Он сказал, что ходит по комнате как покойник, заживо погребенный. На одиночество нечего обижаться, человек сам хозяин своей судьбы, но мужчина более уязвим чем женщина, ... конечно, жизнь жестока, но нельзя озлобляться.

Снилось, что начал ходить по развалинам этажей, где спали на полу в тряпье мужики - солдаты и клал в карман куски пирога, потом меня призывал к себе покойный мой друг школьной юности Сергей Макарик, убитый 10 лет назад в пьяной драке арматурой по голове. Он бросился в драку, защищая брата старшего. Во сне Сергей должен был написать дипломную работу, я предложил ему помочь натянуть грунтованный холст на подрамник. Снилось вчера мое семейное счастье с маленькими детьми, дрожащими от холода в старой родовой квартире, доме на улице Маяковского в Нукусе.

Я с сильными ударами судьбы, когда бедный, голодный, нищий, дрожащий от холода, скитался по городу, по домам родственников, которые выгоняли меня, пьяного, и, огорчаясь их жестокости, опять лез в бутылку и пил. Меня сделали изгоем.

Меня предала семья, меня затравил брат и мне надо раз и навсегда забыть о них совсем. Я остался совершенно один и опустился до самого дна жизни. Пора собрать свои раскинутые потроха и суметь поднять самого себя. Пора начать свое восхождение наверх, к воздуху, к свободе, к небу, к солнечному свету, поэзии и правде, я должен знать, что только в людях, окружавших меня раньше, заключается вся мудрость и счастье жизни.

Время 2-05. Лежа и сидя слушаю 12 кассету своего чтения «Бесов» быстрым беглым голосом.

Я увидел вдруг, что мои злейшие враги – это Люда и Шолпан, две мстительные и коварные жалобщики на меня дьяволу Арслану. И, зная все то зло, которое они мне наносят, они естественно опасаются моей мести, боятся меня. Главное оружие мести женщин этих – это клевета. Что бы я ни делал – во всем они видят мою злую волю и никогда я не буду правым в их глазах. Только полное мое поражение и только моя смерть будет их победой. Поэтому мне надо быть осторожным и выстроить систему своей обороны против них.

Помогает им Арслан, он мой злейший враг, и даже мать стала моим злейшим врагом. Мне надо пересидеть дома, привести в порядок свою жизнь, свою душу, надо очистить свое сердце, надо познать своего бога и быть проще, молчаливее и спокойнее. Они будут сокрушены гневом Божьим, как сосуды горшечника. Пора мне вернуть себе самому самоуважение, пора мне понять, что дело моего возрождения в моих собственных руках. Мои враги будут рады моему пьянству, моей гибели, значит мне нельзя давать им повод для этой радости.

Итак в 16-25 Начал приходиться в себя после 14-дневных запоев.

Днем 2 раза звонил Алим и, спросив, буду ли я дома весь день, сказал, что зайдет ко мне вечером. Но это еще не точно, скорее всего, не зайдет, но мне надо быть дома.

23-03. Алим пришел, сказал, что уезжает завтра вечером в Москву самолетом «Домодедовские авиалинии» и принес в пакете книги Достоевского и фотоаппарат «Зенит». После долгих раздумий взял маленький коричневый томик Пушкина с Евгением Онегиным».

Слушаю на кухне «Бесы» о «кадрилы литературы», доел кислую капусту с перцем, маслом и со свежим хлебом и думаю об отъезде Алима, об этапах распада моей семьи.

15 января 2005 года (суббота). Снились спящие Алим и Арслан. Утром снег за окнами, сиротство и занудство. Сходил, выпил 100 грамм, курил и смотрел на чужих испитых, спящих людей. Проходя мимо места вчерашней встречи с Алимом, горло стиснули спазмы и слезы подступили к глазам. Я дошел до края одинокого отчаяния и понял, что моя жизнь ушла с Алимом.

Вспоминаю свою борьбу за существование и распад семьи. Где я ошибся, где я ошибся? Когда от меня отвернулся сын? Почему у него страх передо мной? Возможно, я запугал их всех. Алим назвал меня вчера вечером подобием Степана Трофимовича Верховенского, который боялся уехать в Москву и всю жизнь сам стремился к ней.

Я не выполнил свой отцовский долг, я не стал образцом для сына, я капитулировал перед жизнью и потерпел временное поражение в жизненной борьбе за существование.

Пью водку. Но водка не берет. Я трезв. Мокрый снег закончился.

16 января 2005 года (воскресенье). Еле пережил кошмарную ночь, лежа на жесткой кровати и слушая «Бесов» и «Униженных». Что-то снилось опять с Алимом в детстве и похудевший Арслан.

Утром кое-как собрался, доехал до церкви Климента Моисеевича, который еще в больнице. Послушал проповедь Андрея. Пять лет исполнилось его внуку Давиду, нас кормили окорочками и салатами. Потом разрезали пластиковую обертку нового перевода «Нового Завета» Кузнецовой и Вахаб выяснял противоречие в писании об отвержении близких и любви ко всем врагам. Здесь тайна.

До 7 вечера был у авишников и плакал в автобусе, глядя на заснеженный город и еще раз плакал, слушая вечернюю службу в Храме Раджа Валлатха, который говорил, что христиане и мусульмане не следуют своим писаниям. Это верно.

Потом Владимир Григорьевич зло ругал власти и крах экономики. Поговорил с Настей и Пашей. Сидела рядом Наргиза 33 лет. В сильный снегопад поехал до дома на 13 трамвае и медленно на 93 автобусе, купил несколько сигарет, выпил 100 грамм водки с напитком желтым в летней пивнушке, дома поставил тушить кислую капусту на кухне и слушаю музыку.

Хватит мне унижаться перед Арсланом и заголяться в жалобах перед ним. Пора самому подняться и начать жить. Вчера я был сильно пьян и видимо, приходил Алим. Я заметил на столе две книжки из Нукуса – биографию Грачевской и «Папы и папство», открытую дверь, без навешанной цепочки. Звонил Арслану и жаловался ему на отъезд Алима в Москву и о невозможности мне здесь оставаться.

Придется и мне все бросить здесь и поехать сыну в Москву, начинать жизнь заново. Видимо, я замучил всех своей злобой и агрессивностью, запугал всех, и все оставили меня одного. Жизнь моя переломилась с отъездом Алима в Москву без образования, без денег, без одежды, без поддержки, без всего.

Семью разрушило неуважение ко мне, отсутствие культа отца и послушания. И все рассыпалось в прах.

22-00. С горечью вспомнил, как Алим у меня когда-то не открывал дверь, много раз звонил он по телефону, звал меня. Я сам отбросил его когда-то, оскорблял его и угрожал зарезать их всех, даже бил его и он, конечно, отвернулся от меня. Особенно, когда я ходил за едой в церкви.

Люда вдруг стала льстить мне, говорить, что я гениальный, талантливый художник и чтобы я рисовал картины и их отдавал им.

Азиме так и не поступила в институт, несмотря на 1500 долларов, которые дал Арслан для взятки.

Люда с дочкой выгоняли меня из дома и вынудили на последние 3000 баксов купить ей квартиру. А наша квартира оказалась ненужной Алим, он отказался от всего наследства и уехал в Россию.

17 января 2008 года (понедельник). Проснулся в 5 утра от боли в сердце, стал слушать «Униженных» - 6-ю кассету. Припомнил прошедшую жизнь, весь этот год, когда я обещал их всех перерезать и этим напугал. Алим отвернулся от меня после того как я набросился на него у двери, повалил и стал бить обеими руками. Ведь Алим когда-то болел и не мог хорошенько учиться.

Я простудился и стал кашлять, болят бронхи. Боюсь и жизни, и смерти.

Теперь уже поздно о чем либо жалеть, ничего уже не воротить.

Итак, утро 5-55. Дослушиваю «Униженных». Мне бы хотелось уснуть навсегда и никогда не знать горя и несчастья, не вспоминать о сыне, о том, что он бросил меня.

9-25. Дремал и мне снилось, что в дверях балкона появился мой мальчик Алим. До этого снилось, что он просит меня рассказать сказку на каракалпакском языке, еле выговаривая слова. Снилось, что я бью и топчу Люду, говорю, что чужие люди более беспокоятся об Алим, чем родная мать.

Почему-то я подумал о том, что мой последний день сегодня. У меня болит сердце и кажется мне, что я не переживу этот день сегодня.

Посмотрелся в зеркало, открыл занавеску и заплакал – к чему мне жить без сына теперь? Зачем мне нужна вся эта жизнь. К чему все это? Почему я остался один? Это происки Люды, Зины и Арслана. Он смотрит как олимпиец на горе на смерть своих близких. Я опустил, перестал купаться, умываться, перестал уважать себя.

11-30. Сходил, съел два пирожка, взял хлеб, водки выпил 100 грамм у Миши.

Снег тает. Самолеты уже летают один за другим. Купил пачку «Каравана» «смерти» за 225 и пришел домой, по лестнице мимо ребенка – мальчика, балующегося спичками, который не поздоровался со мной.

Вспоминаю годы после переезда Люды с детьми в Ташкент, когда стали приходить к Алим друзья – Женя, к Азиме девки – я их всех встречал враждебно, всех разогнал и остался один. А ведь со взрослением детей я по плану Господа и жизни должен был все более возрастать в отцовстве и притирать их любовью к себе, создавая большую семью с внуками.

В это время Арслан учился на моих ошибках и заново выстраивал свои отношения своими дочерьми – Лизой и Аней как с подругами. Он стал относиться к ним как к женщинам и создал свою семью.

Я же омертвел в своей роли кормильца, грозного хозяина и свирепого отца и вот в результате, произошла революция - по словам Алима и женщины – Люда и ее дочь свергли меня.

Я не смог перенести оскорбления бывшей жены и дочери, когда они стали выгонять меня из дома, угрожая написать заявление участковому и угрожая тем, что я живу без прописки и меня надо выгнать.

Я умер в 1987 году, когда перестал трудиться, писать и просто выживал в нищете, а выживать значит тонуть, но не подниматься вверх. Пора перестать злиться на Люду, она стала нянькой внучки, дочери Азиме. Для Люды теперь это оправдание жизни. Надо мне тоже что-то найти, как она.

Я стал писать и говорить как Кириллов. Как бы сегодня не повеситься.

Вышло солнце и стало не так страшно жить.

В последнее время стал представлять себе как сложилась бы моя жизнь, если бы я на том или другом перекрестке свернул в другую сторону. Стал мечтать о прошлом. Для этого состояния то самое слово – «мечтать о прошлом».

Я хотел создать университет дома для одного Алима, но он отверг его.

Прохладно дома, часто плачу, стал слезливым. Боюсь кавказцев, могущих украсть в Москве сына и превратить его в раба на Кавказе.

18 января 2005 г. (вторник). Утро 8-50. Опять напился вчера, звонил Арслану и называл его «старшим», «отцом», на что получил ответ его, что слишком льщу ему. Аннушка оберегает Арслана от моих телефонных звонков, за что я обещал «заебенить» Аннушку.

Арслан сказал, чтобы я ждал вызова Алима и сам не ехал. Алиму там и без меня тяжело. Надо всё же заработать денег и поехать – помочь ему чем смогу.

Жизнь или Бог последовательно и методично отнимают у меня всё и оставили только мое тело. Я стал Йовом, который потерял все и больше ни на что не надеюсь. Но я не обвиняю Бога, в которого, я, кстати, не верю! Я обвиняю себя одного. Я не заметил того мимолетного счастья, когда семья была вместе, когда они все были под моим крылом, когда я старался найти им еду и с радостью нес домой еду, зная, что порадую их, но мне не хватило гибкости приспособиться к новым временам и их взрослению. Бог мстительно наказывает меня за всё.

13-43. Где сейчас в Москве Алим, думал я, стоя у дороги Ким Пен Хва, у малого базарчика, смотря на свежих юношей, идущих толпами из кулинарного училища. Выпил 100 гр. водки, поел пирожки, 2 самсы и надкусил маленькую лепешку за 100 сумов. Какие там цены в Москве, не голодает ли Алим там? Как он одет?

Перед отъездом Алим перестал мне звонить, ходить ко мне, перестал жить на Юнусабаде с матерью и Азиме, куда и я попытался переселиться, а когда меня прогнали, он не вернулся туда жить. Он нашел себе новую семью, новых друзей. Алим видел, что все ссоры связаны с войной внутри семьи за квартиру, за еду и за деньги. Тогда он с отвращением отказался от наследования квартиры, отказался от моего наследства и оставил меня на произвол судьбы. А я прилагал невероятные усилия для выживания семьи после переезда в Ташкент.

Теперь у меня нет иной цели, как прославиться как художник, чтобы мой сын гордился бы мной.

Я потерялся в этой жизни и когда-то перестал выполнять роль мужчины, сына, отца, мужа, хозяина, обидевшись на глупые слова и угрозы «двух слабых женщин», как выразился однажды сын мой Алим, упрекнув меня, что я воспринял их слова слишком близко к сердцу.

Какое страшное отвращение к милиции вселила в меня коварная попытка майора Мумина и лейтенанта Алихана посадить Алима в тюрьму за половое сношение с малолетней, но уже опытной шалавой. За 200 долларов откупились от ментов, которые весело посмеивались. Арслан назвал Алима дураком, но выложил деньги, чтобы его «вытащить». Второй раз у него нашли в кармане куртки остатки анаши и история повторилась.

Эти два страшных события изменили все мое существо, поселив в моем сердце невероятную злобу. Я абсолютизировал эти частные случаи ментов- подлецов и слишком стал обобщать выводы, чего делать не следовало.

Ведь несчастье с молодым Федором Достоевским, когда пьяные крестьяне зверски убили его отца, когда за участие в кружке Петрашевского его на 10 лет отправили на каторгу: все это не озлобило его, не сделало его человеконенавистником, не погубило его как человека и художника. Он возродился после каторги, не утратив ни одной своей нравственной черты. Наоборот, он приобрел мудрость прозорливости, сострадание к миру обездоленных. Но какой ценой? Цена – эпилепсия, страдания физические и нравственные.

Надо ежедневно слушать радио «Маяк» с 16 до 20-00 и с 23-00 до 01-00 по ташкентскому. Это на два часа позже в Москве. Теперь сфера моего внимания это Москва. Теперь там живет мой сын, там теперь мое сердце, там теперь моя душа. И я стал ощущать душу сына, как свою собственную и понимать, что, только рядом с ним я могу быть счастлив, пока я нахожусь на этой земле и быть похороненным –

там, где живет он, поблизости от него. Только там я смогу быть счастлив и нигде иначе. Иного выхода, иной жизни для себя я не мыслю. Иначе смерть, иначе мой «Мертвый дом», в котором я сейчас живу.

Как же теперь жить? Вот этот вопрос я задаю себе, медленно бродя по 4 массиву Куйлюка, где мы с перерывом прожили 15 лет почти и где он некогда впервые, еще 6 летним ребенком прыгнул на меня и обнял меня за шею и лепетал – «Папа приехал!». Теперь ему 20 лет и он уехал без меня в Москву.

Это горе встряхнуло мою погибшую, спящую мертвым оцепенением душу, высекая из нее искры отчаяния. Эта беда должна поднять мое мужество, восстановить во мне «погибшего человека».

20 лет своей жизни Алим не видел меня ни разу за этюдником с палитрой и кистями, я не показал ему пример усердного труда. Он однажды сказал мне с упреком, что я перестал работать, чтобы ему было плохо.

Алим читал стихи Александра Городницкого, Лермонтова, Пушкина, которые ему так нравились. Это было еще летом на Юнусабадской квартире Арслана, на седьмом этаже на кухне, где я пожил малое время, куда меня привел Алим и только на миг, когда семья, вроде бы соединилась, как бы в последний раз перед вечной разлукой.

В Москве, пока все тихо, только пенсионеры протестуют против отмены льгот. Шамиль Басаев прячется за границей. Его охраняют арабские наемщики и дважды он расстреливал свое ближайшее окружение.

17-50. Прибрел с базара Куйлюк, потратил 1000 сумов, один доллар, выпил 2 раза по 100 и поел 4 пирожка с рисом и требухой с перцем. Купил 2 пачки сигарет «Караван» по 190 сумов.

Смотрел на догорающий зимний закат, стоя на остановке. Заплакал, увидев на прилавке, на обертке шоколада «Россия» купола Василия Блаженного, спускаясь в темный переход, где в темноте топились торговцы носками и гнилыми фруктами. Долго бродил по базару, по замерзшим лужам, разглядывая молодые пары с детьми, людей, волочащих провизию домой, где их ждут дети. В автобусе видел мальчика из кишлака, с матрацем. Плакал о сыне. И так скорбел душой, которая теперь не со мной, а далеко отсюда, в Москве.

Вспоминаю как мы с Алимом ездили по городу на велосипеде, купались в Чирчике, на Анхоре, ели рыбу из консервной банки на берегу, как Алим залазил и прыгал в воду с очень высокого дерева.

Ровно 18 часов и в Москве 16 часов пополудни. Что же мне делать одному в квартире с мертвомолчащим телефоном. Ко мне никто не звонит и я остался один и теперь я начинаю понимать, что страх передо мной мешал Алимину приходить ко мне. Вспоминаю его зимой 2003 года у подъезда, следящего, не подам ли я признаки жизни, когда же я увижу, что он мерзнет. И тогда, когда я привез ему 4 тушки фазанов из Каракалпакии, он почти не ночевал дома, боялся моей злобы на себя и всех вокруг себя.

Надо продать квартиру здесь в Ташкенте и купить ему в России дом и, м. б., переехать.

По словам Арслана, надо ждать вызов Алима, но я ему, Арслану, не верю. Он лжец и дьявол. Какой вызов может сделать мой мальчик, поехавший буквально в никуда!? Туда, где он всем чужой в огромном зимнем городе, где все теряются почти всегда бесследно и на всю жизнь.

Надо привести в порядок свои карточки, архив, графику, тексты, дневники, фотографии и часть сдать на хранение в музей. Я смогу прокормиться и творчеством, и преподаванием в Москве. Знаний мне хватит. Надо вспомнить, что я член Союза художников СССР и что смогу жить продажей картин - портретов, пейзажей, натюрмортов.

19 часов здесь, в Ташкенте и 17 часов в Москве, где сейчас моя душа.

Алим уехал, он отверг меня со всеми моими картинами, книгами, вещами, которые я жадно собирал всю свою жизнь. Я заживо умер для него, как подобие жалкого и ничтожного героя «Бесов» Степана Трофимовича Верховенского, с которым он прямо сравнивал меня в нашу последнюю встречу, когда я брюзжал и пылал злобой на весь мир и брызгал ядовитой желчью на весь мир.

У меня появилась цель – вернуть его. Но надо подняться и не быть «жуком», который упал на спину и не может встать, как в детской присказке, которую лепетал ребенок Алим. Он льнул ко мне и верил в меня. Он верил в то, что отец его такой сильный, такой большой и славный.

Эх, дурак, я, дурак. Ведь Алим когда перебирал малые томики Пушкина, он постеснялся попросить весь 10-томник и увезти его в Москву. Эх, как жалко. Он видимо, хотел отвезти их в подарок Рустаму, который почему-то просил, наверное, его привезти. Теперь придется самому все это везти в Москву.

Я понял главную ошибку своей жизни, она заключалась в эгоизме моем. Я утратил человеческие качества свои в годы жизненной борьбы под ударами обстоятельств. Я стал абсолютизировать выводы из этих ударов судьбы и потерял веру в человечность, в добро, разочаровался в любви, утратил уважение к женщине, утратил веру в значимость великого искусства, превратился в злобное, брюзжащее, обрюзгшее существо. Я потерял свою доброту. Я страшно испугал Алима и Люду, которых прямо угрожал убить. Я чуть не убил Алима на диване, когда стал буквально душить его, а когда он в отчаянии встал и стал защищаться, я ткнул в лицо его ножницами и чуть не выколол ему глаза, он заперся в ванной и стал плакать там от бессилия и от обиды. А ведь Алим так глубоко и искренне любил меня. Так на своих родных я вымещал свой страх перед людьми и свой ужас перед миром.

Я всегда видел в Алиме покорного боязливого сына. Он так преданно смотрел на меня. Мы ездили вместе с ним в Самарканд, Бухару, там мы фотографировались. Было время когда мы были близки с ним духовно и душевно тепло.

Азиме всегда чтילה меня как отца, несмотря на все наши размолвки и ссоры вплоть до того дня, когда она, наученная матерью своей, сбежала из дома прихватив с собой свою первую зарплату. Люда вынудила меня купить квартиру, сказав, что долг отца – обеспечить квартирой дочь. Она считала, что Алим как будущий мужчина должен сам заработать себе дом, семью. А дочери я обязан купить квартиру. На их стороне стоит Арслан, защищая, якобы слабых и обиженных женщин. Это он дал коварный совет Азиме не выписываться из квартиры, когда я просил ее об этом, чтобы Алима не забрали в армию, как единственного сына. Арслан защищает моих врагов и бережет для них мое имущество, отказываясь покупать что-либо. Поэтому он страшно перепугался, когда я, доведенный до бешеного отчаяния однажды прокричал ему по телефону, чтобы он приехал сейчас ко мне на Куйлюк, где я переержу ему, американской свинье – горло.

23-59. Вдруг застал страшно тяжелый фильм «Отец» про отца с двумя мальчиками на острове. Так снять мог только гений. Фильм «Возвращение», завтра в 14-00 он будет повторяться, а вечером «Весна на Заречной улице». Наконец-то стали показывать русские шедевры взамен поганых боевиков. Фильмы русские жестокие, но они прямо говорят «любите друг друга» на этой земле, берегите святыню семьи, берегите своих детей, растите их, потому что они даны от Бога.

19 января 2005 года (среда). 09-34. Алим вернется ко мне, когда увидит что я изменился, что я в корне поменял свое отношение к себе, в жизни, к миру, к нему. Опять судорога сжимает горло и я плачу, о том сиротстве, где в мире я остался один, без сына, вроде заблудившегося путника. Такая тоска. Вроде Ионы – извозчика в рассказе Чехова «тоска», когда человек остается один на один во всей вселенной, одиноким со своей безмерной тоской, которая невыносимой тяжестью гнетет душу и ей нет утешения.

Я верну любовь сына, догадываюсь, что он верит мне. После распада семьи он однажды заметил, что смерть приближается к нашему дому. В подъезде нашего дома умерло много людей за последние годы. Умерла старуха-узбечка снизу, умер дядя Саша, выходявший покурить на лестницу, он заикался после инсульта. Он когда-то помог мне, закрутил большую гайку в прорвавшейся батарее, умер сосед напротив – бомж Фадеев, умерла алкашка – свирепая тетя Тамара с одной площадки с нами, умер Юрий Павлович из квартиры снизу. Может быть бегство семьи моей было связано со страхом этих смертей.

Алим как-то сказал, те, кто обещаю и угрожают – обычно на выполняют ни того, ни другого. А тот, кто делает – он делает всё молча. Люди дела – не болтают. А люди болтовни ничего не делают.

В ту зиму я был не вполне душевно здоров, сходил с ума от страха, неприкаянный бродил по базару и городу без копейки в калошах, в дождь, в рваных туфлях, худ, нищ и наг.

Я ходил со своими «душевными» разговорами к людям совсем чужим для меня. И испытал бездну унижения, когда мне прямо в лицо заявляли, что меня не хотят видеть. Не нужен был ни матери, ни брату, ни племянникам, на племянницам и меня отовсюду гнали поганой метлой. А я, крепись, сыпал парадоксами, блистал черным юмором, выкладывал свою душу первому встречному поперечному. И не встретил ни в ком сочувствия, везде встречая равнодушие и прямое презрение.

Сегодня солнечный день и он утешает. Видеть свет солнца – это счастье. Мертвые лишены этого счастья. Правда, мертвые и срама не имут.

Я не слышал от Алима упрека или оскорбления. Наоборот, он приносил, когда я болел, еду, только намекал на мои ошибки, например о том, что я как юридический униженно разговариваю с людьми, сложив руки в ладошки, как в индийском жесте «намасте», и тем похож на Макара Девушкина или на Степана Трофимыча. Да, один Алим меня любил.

Схожу, возьму бутылку вина, чтобы перенести еще один день. Надо терпеть горе и знать, что это горе мне дано Богом для моего же собственного блага, что бог поможет мне впредь, чтобы я поднялся над горем и суетой. Горем очищается душа и человек становится лучше. Горе сжигает в своем пламени все грязное, лишнее и из горя человек выходит или полностью сломленным или поднимется. Вот и ко мне пришло горе и эта беда должна изменить всю мою жизнь. Я осознал ненужность всех вещей, которыми я окружал себя всю свою жизнь. Я осознал пустоту суеты. В сущности, на тот свет ничего не заберешь с собой. Жизнь и юность даны были мне как великое сокровище, как сын, которого я теперь потерял.

Я опять плачу. Опять горе пересиливает мое сердце. Что же это со мной такое, за что во мне Бог пробудил слезный дар, и я стал сокрушаться в своем горе. Я совершенно помертвел в этой жизни.

Такое пронзительное чувство сиротства и богооставленности, какого я не испытывал никогда в своей горестной жизни. Видимо, когда-то удача, эта капризная Богиня покинула меня и я не вижу ничего, чтобы меня утешило. Как страшно впасть в руки Бога, «Мне отмщение и Аз воздам», сказал Господь Бог. Это мне мщение за все мои ошибки.

Никогда не забуду того счастливого дня зимой 1996 года, когда я на велосипеде привез купленные два магнитофона «Панасоник» и Алим, 11-летний ребенок выбежал на балкон с возгласами радости.

Теперь я вспоминаю фильм про Франциска Ассизского, который смотрел Алим и там ясно показано, что сын отрекается от всего наследства отца, что он отрекается и уходит буквально голый. Наверное, на Алима подействовал пример Франциска, когда он наотрез отказался ото всего, что было у меня. Алиму нужна была только любовь и больше ничего.

Иду за водкой, чтобы выпить и не чувствовать такого страха перед жизнью и постараться суметь выжить. Надо сделать еще одну попытку выжить.

Понял я одно только – я потерял лицо в последние годы. Я потерял сам к себе уважение, играя в роль отверженного нищего художника, потерпевшего крушение в жизни. Но заигрался в этой роли. Это очень опасно играть роль в жизни. Маска роли может намертво прилипнуть к лицу как железо на морозе.

По дороге за водкой, я встречал опустившихся мужиков в грязном тряпье, которые брели нетвердою походкой и мутными, тусклыми глазами в забегаловку Миши – где они получали порцию жалкого утешения.

Видел на улицах столько опустившихся, воняющих людей. Это мужчины и женщины в цвете лет, потерпевшие в жизни крушение и выброшенные как мусор на улицу, где собирают мусор, чтобы купить водку. Это страшно.

Мне надо выходить к людям и начать жизнь только с новыми людьми, потому что у прежних я потерял свое лицо.

Слегка утешился рюмкой водки, закусил колбасой и пью зеленый чай и курю. А вот пить водку пора прекращать – это утешение временное и им не следует увлекаться.

14-00. Почему я всю жизнь собирал вещи, которые оказались никому не нужны. Ни мои рисунки, ни мои картины, ни мои книги, ничего. Даже рейки для подрамников, которые мне привез Арслан. Вся история моих взаимоотношений с Арсланом - это череда душевных ран, нанесенных мне.

Позвонил Валера из храма Махараджа с северного Алмазара. Там сменился телефон и поэтому я не мог туда добраться. Надо сходить после фильма «Возвращение». В черно-белом фильме есть своя большая эстетика и долгий кадр, о котором говорил Феликс Луидор. Все великие фильмы основаны на катарсисе, когда горем и несчастьем очищается душа. Они трудно, но учат мужеству и жизни.

Алим долго и внимательно изучал великую эпос Гомера «Илиаду», жизнь Че Гевары, полюбил его. Изучал жизнь и деяния Александра Македонского, творения Достоевского «Идиот», «Братья Карамазовы», «Бесы», «Преступление и наказание», читал биографию Федора Михайловича Достоевского. Он прочел великий роман Габриэля Гарсиа Маркеса «100 лет одиночества» (в сущности, описание одиночества старухи-матери). Алим стал мудрее, проще, чище. Впрочем, он всегда был чистым.

Итак время 15-44. Мне надо быстро искупаться, сменить одежду, съездить в город к христианам и к кришнаитам на Северном Алмазаре.

В Москве 14 часов, я стал жить по московскому времени. Сейчас там полдень и мой сын.

Вечер 21-57. Пришел с мороза, Лиля, молодая жена Эдика – сына Климента передала домой нам – мне и Владимиру Гавриловичу по банке супа, с тем, чтобы я принес банку в воскресенье.

Искупался, одел другую одежду. Старая уже очень грязная и так, что мать церкви Климента – Алла Андреевна не узнала меня в новой одежде и спросила как меня зовут. За ужином с фасолью с картошкой, морковчой, чимчой и чаем с вареньем был Эдик, который совсем не ел, Владимир Гаврилович и Алексей Иванович (все время в состоянии вдохновенной проповеди), молодой аскет Андрей (шамкал вставными золотыми зубами). У него выражение страдания в сдвинутых бровях и морщинах на лбу, он то хныкал, то ложился головой засыпать на стол.

Оба старика уплели по две большие касы супа с мясом. Я съел с трудом одну. Сказал Алле Андреевне, что я из Нукуса, но родился в Солдатском под Янгиюлем и сейчас «слегка» в разладе с семьей. На что она посоветовала, чтобы я семью собрал. Вообще атмосфера там самая благочестивая и добрая.

Дома переделся в домашнюю коричневую шерстяную кофту, замочил грязную рубашку и сиреневые свои широченные штаны в горячей ванне. Заварил на кухне крепкий чай и слушал до 22-20 успокоительное мурлыканье Окуджавы. Как он смог сохранить свою великую и нежную поэзию в грязи страшной Великой Отечественной Войны.

Возможно, завтрашний день мне принесет что-либо хорошее. У Владимира Гавриловича сын 22 лет, музыкант, 13 января тоже улетел работать в Москву, здесь закончил альтернативную службу, его поймали мусора и отец его откупился за 200 долларов, чтобы не занесли в компьютер, в «черный список». Итак, пока все хорошо. Мне надо было отдать 15 тысяч сумов, которые я так глупо пропил в тот длинный новогодний запой, на лекарства для Климента Моисеевича.

Я стал любить и уважать эту святую семью, где так милостиво кормят обездоленных людей. Сам Климент Моисеевич, еще в больнице. Мне интересно видиться и беседовать с этим великим и святым человеком.

В последний приход ко мне Алим упомянул о том, что ему велела зайти ко мне мать, его бабушка. Она и есть наше «100 лет одиночества».

Как же я стал слаб, что с двух рюмок водки меня развозит. Вспоминаю Алима и не могу насытиться слезами.

Я догадываюсь, что Арслан двойной агент Запада и русских и что он дает сверхсекретные сведения о жизни здесь и на Запад, и в Россию. Он основывал свои исследования народа на изучении страданий моей жизни.

После отъезда Алима я стал все больше думать о снегах России, о том, что я ощущаю себя вполне русским.

20 января (четверг). Встал в восемь часов утра, включил кассету с записью Булата Окуджавы. Стал вспоминать, как я заставил Алима читать учебник новейшей истории о политической истории стран Европы и мира в период двух мировых войн. И он начал с большим трудом, начиная с предисловия, ему были непонятны почти все слова. Тогда он еще не прочел в жизни ни одной книги. Ну, буквально, как чистый белый лист бумаги. Но он одолел силой воли этот небольшой учебник в мягкой, бумажной обложке и заинтересовался историей как наукой. Тогда я дал ему прочесть книгу Шифмана «Александр Македонский и его время», он и ее одолел.

Потом он прочел целое фундаментальное исследование о Ганнибале. Потом он принялся за изучение фундаментального Гомера в переводе, соответственно, «кривого» сподвижника Гнедича и сладкоголового Василия Андреевича Жуковского. Но больше всего любил Алим читать изумительные творения Михаила Михайловича Зощенко.

17-55. Получил через Арслана известие об Алиме. Он передал мне привет, уже устроился на работу и скоро получит регистрацию и будет связываться через Арслана.

Закрывая занавески в спальне, мельком в зеркале увидел, что тяжелые мешки под глазами. Печень пошаливает после 20 дневного пьянства. Надо прекращать, иначе помру без покаяния.

19-42. В Москве 17-42. Вечер, сильно мерзну, поэтому застегнул на себе две женские кофты и толстую Ромкину телогрейку. Мерзну в этом холодном мире, в одинокой квартире, затерянной среди тысяч подобных же.

Страшно умереть еще при жизни. Самое трудное для меня время – это вечера и ночь. Днем я вижу солнечный свет и он меня утешает и духовно и физически.

Прочел книгу компилятивного философа Рональда Цюрера «Путь вглубь себя». В ней меня заинтересовали его статьи о смысле творчества Германа Гессе и эссе о времени с многочисленными и многообразными извлечениями из мыслей великих мудрецов прошлого о смысле того, что человек называет «Время». Это натолкнуло меня на мысль самому попробовать писать тексты в этом духе.

20-01. и 18-01 в Москве. Начал слушать медитативную музыку «Энигма». Слышны пения каких-то католических монахов. Изумительный ансамбль.

Утром жаловался Ольге на мой сильный страх после отъезда Алима в Москву, она ответила, чтобы я перестал пить на деньги Арслана, которые он дает не на водку. Я искал Арслана и поэтому хотел попросить, чтобы он перезвонил мне. Хотел узнать что нового у Алима

Вот такое мой превращение злодея Савла в святого Павла. «Mea culpa» - каюсь.

Время. Грозное Время пришло и наказывает меня. В моем поражении как отца, сыграло свою роль то, что я был и остался бедным и неудачным художником. В социологии, где успехи сделал Арслан, я не смог работать.

21-36, 19-36 в Москве. Смотрел по программе «Время» про акции «Снеговики» Вячеслава Полунина, там был снег. Прохожие «валяли дурака» из снега.

21 января 2005 года (пятница). Утро 9-34. Всю ночь снилась целая серия пророческих снов. Мне снилось, что я в Нукусе падаю с огромной высоты и не разбиваюсь. Потом снилось, что я вижу маленьких детей своих. Потом я прихожу и кушаю у Кришнаитов. Потом мне снится, что я собираюсь у большой скатерти Арслана, собираю себе еду и ругаю Зураба, что прогнал меня от бабки и бью Люду, но так бессильно, что удар падает как на вату.

Причина моего поражения в том, что я перестал работать творчески и зарабатывать деньги на семью. Старался выжить маленькими деньгами. Кормил детей требухой, тыквой. Носил по утрам по двадцать бутылок кефира из Ташкентского гастронома в Нукусе. Возил мешки баклажана, моркови, помидор, лука, картошки, яблок из базара, покупал ящики консервов, сотни банок сока. В начале 90-х годов я начал сушить и сушил по 10 буханок хлеба в день и засушил огромные мешки сухарей на случай голода. Потом я по пьянке раздал мешки сухарей своим коллегам преподавателям в училище. Мне надо было работать и собирать деньги или покупать золото, а не сушить сухари. Но все же я выкормил детей.

Я много времени провел в безделье и чтении газет, книг, в увлечении кришнаизмом, религией, сборе книг, их продаже, обмене. А время шло. Теперь вот горюю об этом и кусаю свои локти..

10-38. Время такое теперь, когда мне надо собирать разбросанные камни и поднимать их теперь. Каким же мне образом это сделать? Я умер заживо для всех, изгнан отовсюду как несчастный и ничтожный приживальщик. Они, все родственники живут одной толпой, у них один главный хозяин – Арслан. Они верят ему и он их хозяин.

Вспоминаю свое жалкое поведение в последние годы. Сначала целый год прятался в доме, штопал одежду, ходил кушать прасад к Кришнаитам. Потом стал мотаться к родственникам и кушать у них. Я лез к родственникам со своими душевными излияниями, напрашивался к ним со своей душой и видел, что они меня боятся и презирают. Но я все равно лез. Они от меня отвернулись.

Мне надо в один прекрасный день собрать их вместе. И зарезать. Нужен будет топор и нож. Завзвать их всех в одно место и тихо, с наслаждением их всех зарезать. Рому не стоит трогать ради Зарины. Удар надо нанести быстро, точно и молниеносно. Дьявол будет сокрушен окончательно. Из детей надо зарезать дочь Зины Алину. Это единственная причина всех моих несчастий. Я угрожал Люде что возьму Алину за ноги и ёбну головой об стену. Хотя вряд ли я смогу убить 6-7 человек и остаться незамеченным. А попасть в руки мучителей гестаповцев не входит в мои планы. До преступления год не пить, потом напиться. Я должен успеть покончить с собой раньше, чем за мной придут гестаповцы. Дьявол знает свою вину. Но его надо зарезать первым из милосердия и понимая, что он есть мой брат, сын моего отца. Ради этого я его убью первым, чтобы он не мучился, видя смерть своих родных.

Спал в похмелье до 3-х часов, укрывшись с головой, и потом спокойно проснулся вечером. Пришел на кухню, выпил пиалу вина и вдруг бурно хлынули слезы, я стал плакать неизвестно о чем.

11-41-9-41. Перешел на кухню и свалил остатки квашеной капусты из эмалированного ведра в шестилитровый казан, который купил некогда мой покойный брат Витя, выйдя в последний раз из тюрьмы. Тогда он пытался начать свою новую жизнь в моей квартире в Нукусе. Мне надо было оставить его, но я его прогнал и вернулся сам там жить. Я вел себя по отношению к нему подло. Он в последний раз звал меня перед смертью, но я не пришел из-за страха перед туберкулезом.

13-46 – 11-46 в Москве. Не сдал бутылки, везде закрыто, нет даже спекулянтов сигаретами. На базаре успешные государственные чиновники и спекулянты укладывают в багажники машин пакеты с жирным мясом. Бандиты в милицеских мундирах, прокуроры вырывают деньги из глоток своих жертв, ловя их детей в тюрьмы. Они берегут своих детей, но грабят чужих детей. Они все живут по принципу – рука руку моет. Это взяточники, но они одеты в дорогие костюмы, у них холод в глазах, они все в родстве друг с другом. Они лизут зады своим начальникам. Их дети становятся такими же.

Благородный и чистый Василий Макарович Шукшин создавал свои простодушные рассказы и кинокартины, движимый великой любовью к простому, обездоленному человеку. Их жизнь вместила в краткий отрезок от смерти Сталина до распада СССР. Все это сделал хищный и подлый Запад против русских. Движение за воссоздание России должно называться «Русский мир». Надо всячески звериной рукой подавлять инакомыслие.

19-08 – 17-08 по Москве. Допил Портвейн №53. После него я становлюсь неожиданно слезлив и плачу как баба. Горло сжимает судорога, на глазах выступают слезы. Все это безо всяких причин, без мыслей и в самых неожиданных местах – в автобусе, где некуда спрятаться и приходится отвернуться к окну и деланно внимательно рассматривать мелькающие за окном городские пейзажи. Странно и страшно, наверное, видеть плачущего старика. Но, скорее, смешно видеть. Надо перестать сентиментальничать. Зачем эти слезы? Но они не спрашивают у меня разрешения и льются градом.

Вечер 00-29. Допил литр сладкого вина, болела голова. Неожиданно позвонил Арслан в 22-30 и спросил меня – жив ли я? Я ответил, что сплю. Потом позвонила Люда и сказала, что мать будет говорить. Я отнекивался, чтобы на завтра перенести разговор.

Мать стала говорить о том, что я, наверное, обиделся, но что она тогда умирала, а я стал кричать на нее и потом стала говорить, чтоб я взял какую-то большую печку для хлеба у Арслана и принес к ней. Я на все соглашался. Не помню о том, чтобы когда-то я кричал на них. Еще она спросила, почему я не

живу с Людой и не женился ли я. Это звучит трогательно и забавно. Память начинает отказывать моей милой маме.

2-33 – 00-33 в Москве. Никогда я не переживал такой длинной недели. Семь дней отъезда Алима в Москву и я очень устал. Я оцепенел от горя и сильно переменялся и ничего не хочу больше. Я не хочу ни двигаться, и ездить куда-то, я не хочу ничего делать, меня продолжает мучить чувство мучительного страха перед жизнью, страха перед людьми. Смерти уже не боюсь. Сейчас я нахожусь к смерти ближе чем когда бы то ни было в моей жизни.

Оцепенение мне помогает пережить беду. Я не боюсь, не бегу от одиночества так, как раньше в своих днях, когда скитался по Ташкенту, убегая от одиночества от самого себя в поисках - чем заполнить свои дни. Они у меня теперь и так заполнены теперь чувством непоправимой беды. Мне больше не хочется ничего говорить и никому ничего говорить. Я не хочу видеть больше никого из живых людей. Мне теперь достаточно радио и телевизора.

Я прибыл в порт своего назначения. Я закончил сегодня свое земное странствие в духовном смысле. Возможно, я буду еще жить физически, но духовно я сломлен и мертв. Мой путь закончен и смерть принесет чувство горького удовлетворения. Этого захотел Винсент Ван Гог. В это ушел Акутагава и Генрих фон Клейст со своей подругой и писатель Стефан Цвейг со своей женой. Этим сном уснул и злодей Геббельс с детьми и женой.

Смерть расставляет все на свои места. Это то состояние, к которому я стремлюсь теперь. Это моя желанная гавань. Это порт приписки моего потрепанного бумажного корабля. Боже мой, я никогда не испытывал такого страха и никогда не переживал такой длинной недели.

Горе лучше удачи, беда лучше счастья.

22 января 2005 г. (суббота). Сажу на кухне и пишу в полумраке опять, чтобы экономить электроэнергию.

Мне снилось, что я брожу по лестницам и этажам огромного многоэтажного здания, где скрылся в какой-то квартире мой покойный брат Витя со своим сыном и встретил там Арслана с Ромой.

Опять звонила мать и просила привезти печку для выпечки хлеба. Я ответил ей, что она поправится и что все будет у нее хорошо.

Только деньги имеют значение в этой жизни. Я это понял поздно, а всю жизнь я верил в идеальное искусство, в бескорыстную любовь и вот потерпел свое страшное поражение и вот так я теперь это понимаю, что это хорошо. Эта боль поражения осталась со мной навсегда.

Причина всего одно – расхождение слов с делами, неумение ладить с людьми, непоследовательность и постоянное метание в жизни и в выборе путей в искусстве.

Сходил, взял две полукруглых колбасы в двух магазинах на двух концах квартала по 1900 по 300 сум. Выпил за 200 сум разбавленного вина «Портвейн 53». Дома ко мне попытался зайти сосед сверху. Он принес книгу Юрия Германа про врача, что взял у Алима.

23 января 2005 год (воскресенье). Надо постараться подняться духом и встать над горем и несчастьем и тогда, я надеюсь, все будет хорошо. Мне надо только преодолеть страх перед людьми и перед жизнью и перестать страшиться всего, что меня пугает. Так грустно. Закурил вторую сигарету, побрил бороду, оставил усы, чтобы вернуть себе мужество хотя бы во внешнем виде. Я все-таки, мужчина!

Пора вернуться к практике укрепления нервов холодными обливаниями после горячих ванн.

19-16 в Ташкенте, 17-16 в Москве. Владимир Гаврилович все склонял меня к предпочтительности христианского пути к Богу. Рядом сидел молодой узбекчонок, который беспомощно лепетал о недопустимости сына у Марии и Владимир Гаврилович мне сказал - «Как его уже задумали!».

Я же сказал, что все великие востоковеды склонялись к мысли, что весь Коран это вольный пересказ Ветхого Завета, воспринятого на слух религиозным гением Мухаммедом от арабских христиан. Он согласился со мной в этом. У него проблема разменять 3 комнаты на тракторном на 2 в Чиланзаре для сына и одну себе на Северо-Востоке, чтобы не жить с женщинами Дениса. Вот он и копит деньги три

года, чтобы купить себе одну комнату. У него сын Антон 22 лет, второй раз поехал играть в ансамбле в Москве.

Утром я к 12-ти почти добрался до Церкви Климента Моисеевича и он вышел на хлебопреломление. Он производит впечатление грандиозного человека, плотный пожилой кореец с мешками под глазами.

Когда я сидел на прохладной скамейке во дворе Храма после первого захода и хмуро оглядывал прихожан и вайшнавов, подошла Гульдан Матади и попросила пожертвовать на приезд гуру. Вильдан усердно сгонял старух в женскую половину. Смешно, что одна старая ведьма не хотела уходить, говоря, что она уже не женщина. Что ж, она права, это грязное, старое существо давно уже не женщина.

Эдик, сын Климента, спрашивал меня, нет ли у меня «Нового Завета» дома, видя у меня на руках этот текст. Я сказал, что есть и он в который раз пригласил меня приходить на учебу в Христианскую и в обычные дни. Завтра надо будет пойти, потому что надо общаться с хорошими людьми.

Молю Бога, чтобы он избавил меня от страха ночных кошмаров боли утрат и потерь, которые не вернуть и которые приходят ко мне в снах.

22-03 здесь в Ташкенте, 20-03 в Москве. Послушал новости по программе «Время» и узнал, что Патриарх Алексей II предлагает ввести в школах урок «Основы православной культуры», вместо дурацкой религиозно-этической программы. Это правильно.

Читал журналы «Свидетелей Иеговы», их можно читать ради ценной информации, имеющейся в них, если осторожно отклонять их ошибки, вроде отрицания бессмертия души, Троицы, Христа. Это страшные ошибки, Саддукейский иудаизм в новой упаковке.

Постепенно прихожу в себя после пьянки и, слава Богу, не пил сегодня, мне не надо больше пить и ограничить и совсем бросить пить.

Не доводи Господь до предела, до предела не доводи, Господи.

Сижу на кухне и пишу свой милый дневник, который стал единственным моим другом.

01-17 Ташкент, 11-17 Москва. Дьявол Арслан не купил вилки, сказав, что они принадлежит Люде. Мать мне говорит, что я богатый человек с двумя квартирами, с двумя телевизорами. Они все буквально знают, что есть у меня. Но жена у него все-таки была милосердна и добра ко мне.

Уже полночь в Москве. Пора, пора мне наконец, спать. Иду, иду, сколько можно сидеть на ночной кухне и писать, писать одно и то же.

24 января 2002 года (понедельник). 10-10 в Ташкенте – 8-10 в Москве.

Снилось, что я опять где-то брожу и ищу съестное и не нахожу. Начал набирать воду в ванную. Утро. Выспался вроде и неплохо себя чувствую. Поставил греть капусту с борщом и слушаю «Вороваек» блатные песни, которые купил или где-то достал Алим. В школе он связался с ворами и в разговоре стал совсем блатным.

Есть ручки, которые хорошо пишут. А есть такие, что плохо пишут. Есть ручки красные, а есть черные, есть и синие тоже. Пробую то одни, то другие ручки. Заканчиваю пробу разных ручек. Их есть вычурных 15 штук и штук 20 простых ручек. Есть на первое время.

Время 10-48 здесь и 8-48 в Москве. Надо понять, что мир снисходит на мою опустошенную душу. Горечь уходит и остается только холодное отчаяние, больше похожее на смертный сон души. И больше мне ничего не осталось, как попытаться что-то сделать в своей жизни, попытаться переломить свою судьбу в последний раз. Я целых два года уже не зарабатываю деньги и ничего не делаю для себя. Стал вполне свободным от привязанностей к этому миру и полнее соответствовать своему имени, что означает «свободный» – «Эркин».

11-35 в Ташкенте, 9-35 в Москве. Эта ручка, которой я сейчас пишу – она мешает мне писать и неудобна в руке. Надо сменить ее на другую ручку. А сейчас пора выйти в город. Но сначала надо мне постирать все свое белье. Пора приводить квартиру свою в порядок. Иначе я совсем зарасту грязью.

Пора мне все-таки постирать свое белье, уже неделю как замоченное.

Как страшен этот мир, как страшны люди, как они жестоки. Я оказался изгоем. Меня предали собственная семья и свои бывшие родственники. Они выступили против меня единым фронтом. Весь мир сейчас против меня и мне надо только одно – закопаться в землю и держать свой «Сталинград».

Надо помнить о том, что мир не может быть оплачен ценой, превышающей человеческое достоинство. Я же в своих опытах зашел слишком далеко – унижаясь перед ничтожными социологами, перед родственниками.

Я заигрался со своей судьбой.

15-35 (13-35 в Москве). Это просто ужасно – наблюдать свое собственное быстрое одряхление и приближение окончательной гибели. Надо стремиться к совершенству, а я забыл об этом!

Мне надо хранить гордость человека, побывавшего в аду и опаленного горем унижения и познавшего глубины унижения. Я перестал плакать.

Время уже 16-38 уже. Против России ведется полномасштабная война. Я чувствую себя все же русским человеком. Передают, что Ющенко новый прозападный президент Украины выехал в Москву, чтобы решить судьбу Черноморского флота России на Украине. Запад захватил Украину. Идет планомерный захват всего мира и выдвижение Западных войск на передовые рубежи войны против России. Абхазия входит в качестве ассоциированных членов в состав Российской Федерации. Это отличная новость.

Да, судьба наша оказалась одинаковой, мы с Квоном оба брошены женами, оба коротаем свои дни в одиночестве. Он, правда, давно уже в могиле, с осени 2000 года. Уже четыре года как умер от удущья. Я не посетил ни разу его могилу и не знаю даже, где она находится. Он с Савицким вечно упокоился на двух концах Нукуса – Квон на Севере и Игорь Витальевич на Востоке. Мир вашему дорогому мне праху, дорогие мои учителя и старшие друзья. Вы оба нежно любили меня, когда я был с вами в музейной работе рядом и в незабываемых археологических экспедициях. Мир вашим святым душам, мои любимые. Скоро и я присоединюсь к вам в вашем вечном смертном сне. Неважно, что буду лежать от вас далеко в Ташкенте. Возможно, я успею доехать перед кончиной в Нукус и тогда моя могила будет поблизости и наши бестелесные тени могут целую вечность шептаться о быстро промелькнувшей жизни, где нас столько связывало и вы оба были мне отцами духовными, тепло заботились обо мне, оба ругали меня за лень, за ошибки в жизни и оба давали драгоценные советы о том, как жить, как работать, как сохранить семью, как сохранить веру в людей, как сохранить чистым и незамутненным кастальский источник чистого творческого деяния. Я кланяюсь низко обоим вашим страдальческим теням. Вы находитесь во мне живыми, в моей памяти вы продолжаете говорить со мной. Мир вам, дорогие мои тени. Я вспоминаю о вас с благоговением как о большом и незаслуженном подарке. Я вырвал из сердца семью, а вас, покойных ныне, храню живыми в своем горюющем сердце.

Вспомнил, как мой наивный мальчик спрашивал – почему я пеку хлеб и не печет хлеб мой богатый брат Арслан. Я сказал, что он не умеет печь такой хлеб. И вот, в прошлом году, недавно он как-то предложил, чтобы я испек домашний хлеб. Он, наверное, вспомнил вкус настоящего домашнего хлеба, а не магазинного. Я тогда не испек, и теперь вот жалею. Он, наверное, захотел поесть его еще раз, чтобы ощутить вкус хлеба, когда еще была единой семья.

01-02 – 23-02 в Москве. Час-полтора лежал на постели в спальне и слушал передачи «Маяка» – до минус 7 морозы и гололед в Москве. Как бы Алим не упал и не расшибся там, подобно Савицкому, который страшно грохнулся как-то зимой и расшиб себе спину.

Какой длинный день прошел! Как я устал после этого длинного дня, наверное, самого длинного дня в моей жизни. Так бывало в детстве, когда дни казались бесконечно долгими, а лето казалось еще более долгим. Тогда я ходил купаться на канал Кыз-Кеткен у старого бревенчатого моста в старый город у Чимбайской чайханы и возвращались мы смертельно усталые, шатаясь от голода и ели опавшие фрукты из мутных от амударьинского ила арыков вдоль улицы Жданова,.

Вспоминаю свою любимую сноху Зарину, ее «ты» ко мне, полное упреков за мое беспутство, звучало всегда мне музыкой любви, сострадания. Я любил и теперь люблю ее и, вспоминая теперь ее,

чувствую что на сердце у меня становится теплее. За сострадание я никогда не забуду ее доброту ко мне.

25 января 2005 года (вторник).

9-34 в Ташкенте и 7-34 в Москве. Снилось, что у меня огромная дыра от выбитого зуба и опухшие губы и что я лезу вверх по железной лестнице и прутья, за которые я цепляюсь, отрываются, и я запираюсь в своей Нукусской квартире.

Какие нехорошие сны меня пугают. Раньше я не был таким суеверным и пугливым. Но раньше и не снились подобные сны.

Жизнь моя заполнена страхом перед несчастьями. Не странно ли, что я стал душевнобольным. Это я заигрался со своими играми в несчастного и отверженного человека.

Изменить свою личность в 50 лет – это видимо очень трудно. Наверное, это совсем невозможно. Это будет чудом, если я оживу. Еще раз надо призвать на помощь свою гордую юность, все свое мужество и скинуть старую змеиную шкуру, попытаться начать свою несчастную жизнь заново.

Я, как сапер, больше не имею права на ошибку теперь в жизни.

10-46 в Ташкенте, 8-46 в Москве. Искупался в горячей ванне и замочил кухонное полотенце. Закурил четвертую сигарету с утра. Немного мне полегчало от чистого тела. Слушаю ДДТ.

11-17 и 9-17 в Москве. Перенес столик в спальню возле окна с батареей и впритык к кровати и сел попробовать здесь записать. Заварил крепкий кофе с сахаром. Здесь светлее и гораздо уютнее мне писать свои тексты.

18-46 – 16-46. Так был страшен вид прихлебателя Владимира Гавриловича, жадно пожиравшего редьку корейскую, суп и отварной паби. Он пришел в Храм Климента часов в 15, когда мы втроем уже поели и ринулся сразу в туалет. Затем, когда Эдик принес ему еду, разыграл фальшивое удивление. Эдик обмолвился, что не мог он прийти раньше. Алла быстро убрала посуду сказав, что дед (Климент Моисеевич) не любит, чтобы засиживались за столом. Климент Моисеевич вышел и произнес речь о том, что надо что-то делать для Христа и не хвалиться сделанным и посоветовал Андрею прочесть от Луки – 20, о виноградаре хозяине и работниках, в разное время нанятых.

Эдик поведал о том, что они жили 20 лет в городе Шевченко на берегу Каспия, где Климент Моисеевич работал в обкоме партии и обратился к Христу после 30 лет и что его жена уехала замуж в чистую Германию, где асфальт моют с мылом.

Мы вышли вместе с Владимиром Гавриловичем, он говорил о том, что не ожидал еды, что был голоден со вчерашнего вечера, что он знаком с Климентом с декабря 2003 года и что с августа не был, потому что Климент прогнал его, приходящего только пожрать. Он видимо, ходит целыми днями по церквям, где его кормят. Я увидел в нем большое, страшное, прожорливое животное и ужаснулся, что я сам был внешне похож на него, когда приходил в офис и к родственникам пожрать. Но в нем есть что-то очень жалкое и раненное. Вот и Андрей его отчитал за то, что он болтает всякую чушь. Например, о том, что Андрей как пастырь несет за нас всех ответственность перед Богом. Владимир Гаврилович огрызнулся, оправдывался и потом затих.

Смотрю записи из церкви:

- Если Библия – не авторитет, то с Владимиром Гавриловичем не о чем говорить.
- Если не возненавидеть ближних, то не во Христе.
- Приходить к Богу не пожрать, а молиться.
- Человек грешит словом.
- Не лицемерьте, а верьте.
- Не коверкать слова Божьего.
- Нет логики человеческой в слове Бога.

- В церкви надо слушать, не мудрствовать.
- Богу нужно послушание и смирение.
- Пусть лучше ненавидят, чем льстят.
- Не надо вспоминать – кто больше, кто меньше слушал.
- Последние станут первыми и, наоборот, в Царстве Божьем.

От Луки – 20.

- Чему подобно Царство в притче о хозяине виноградаре.
- Бог нанимает всех за одну и ту же плату.
- После нагорной проповеди, кто служит в церкви, все равны – и молодой, и старый, и те, кто пришел утром, и те, кто пришел вечером под закат.
- Измышления о девственницах и наслаждениях рая. Это земные понятия.
- Не будет обжирания в раю. Христос не обещает ничего, кроме вечной жизни.
- Жизнь дается для научения. Надо научиться жить, довольствуясь малым, но не муками, как монахи.
- Я во все дни с тобой до скончания века, и он животворен.
- Всем предстоит умереть и предстать перед начальником жизни, повелевающим природой.
- В наших мозгах много мусора.
- Надо учить не богословию, а познанию Бога и вере.

27 января 2005 г (четверг). Надо перестать цепляться за свои желания и за эту жалкую жизнь подобно всем этим жадным и прожорливым, хитрым и лицемерным старикам. Больше не надо ходить ни к Клименту, ни в храм, никуда. Еще нечего искать помощи извне, где никто мне не поможет. Только сам я смогу себе самому помочь и никто другой. Только в себе самом можно найти силы для возрождения и никто, кроме меня самого, мне не поможет.

Имеет значение – путь, труд, но не результат, который весь в смерти. Плоды не значат ничего, только путь познания, горький путь познания имеет значение.

Мне не нужно больше ходить к чужим людям и выпрашивать у них сострадание, милость, еду, тепло общения. Надо найти опору в себе самом и свою собственную страну обустроить.

Мне больше не надо ни с кем общаться. Мне надо общаться только с самим собой. Больше не с кем. И так, больше не надо никуда ходить и мой мир ограничился размерами моего этого временного пристанища из этой трехкомнатной квартиры на 3-м этаже 4-го квартала города Ташкента.

Мир меня обманул и надеюсь, что сам себя теперь не обману.

Я еще год потерял на проверку праха и его выдержала одна Зарина, она одна любила и жалела меня, а еще Лиза с Ольгой. Остальных всех можно страшно покарать безо всякого зазрения совести.

29 января 2005 г. (суббота). Вчера зря ездил отвозить книги «Гаурани» в храм на Северном Алмазаре, не открыли железную дверь на четвертом этаже, помаялся на остановке, не купил сигареты и доехал до церкви Климента. Там торопясь поел маш с чимчой. Застал Андрея, обложенного Библиями за столом и Эдика. Они начали меня пытаться, где я живу, чем живу и есть ли у меня прописка Ташкентская и историю моих посещений церкви. Я признался, что 8 лет живу в Ташкенте с Нукусской пропиской, что дочь сбежала и родила дочь для матери, которая облизывает внучку и не спускает ее с рук, что меня выгоняли и обижали баптисты - Володя, какой-то старик, бухарский еврей, уехавший потом в Израиль или США и жадный Игорь. Зашел Климент Моисеевич и сказал, чтобы я говорил не о своей жизни, которая никому не интересна, а о Христе, который один есть в церкви и только вера в

него может спасти. Потом он собрал свои книги и ушел в дома заниматься подготовкой к проповеди. Потом поужинали макаронами и соленьями.

Постоял на остановках, доехал до дома. Покурил и задремал лежа, слушая рассказы Зошенко. Разбудил звонок Арслана во втором часу, он спросил, жив ли я и почему я не появляюсь? Я пробормотал спросонок, что буду. И заснул.

Приснилось, что в Нукусскую квартиру сосед наш хочет войти, а его не пускает муж Азиме. Тот стал ругаться и угрожать. Я же подошел, поздоровался за руку, помирил его с ним. Сказал, что это мой зятек. Потом пригласил его домой, сказав, чтобы Люда дала чай, хлеб, еду гостям и в зале уселись за столом мои дети, и я проснулся.

Мне по-прежнему снятся мои вечные сны о моем прошлом. Вчера молодой Андрей сказал, что тоже иногда тоскует и плачет о жене с дочкой, бросившей его и уехавшей в Германию на хорошую работу и даже вышедшей замуж за богатого мужа. Андрей пил и говорил ей, что она все равно когда-то вернется к нему. Андрей обратился к Христу и стал страстным проповедником и поселился в доме Климента Моисеевича, 65-летнего корейца, сделавшего церковь из своего дома и кормящего всяких пенсионеров, старух.

Надо понять, что Христос вечен, что пройдут сотни тысяч лет, и все новое поколение кратковременных людей будут верить Христу и что мы, людское поколение, будем дробиться у подножия вечной скалы Церкви Христовой. Рождаться и умирать будут бесчисленное поколение людей, а Христос будет стоять вечно и незыблемо. Надо осознать, что я прихожу не к Клименту или в храм, а прихожу к Христу, к вечному, милосердному богу, дающему смысл и надежду моей исчезающей жизни.

13-55. Искупался горячей водой и облился холодной, впервые за месяц после долгого перерыва и почувствовал себя горячо и жарко. Одежда, иду в город, хочу пройтись по книжным магазинам, поглядеть на книги. И потом зайти в Храм на Северном Алмазаре. Вообще не надо там больше никогда ничего записывать. Это вызывает у людей страх и подозрение.

Надо взять с собой нож, чтобы зарезать Арслана, его семью, всех своих родственников и сжечь все их дома и офисы. Для чего приготовить баклажки с бензином. Это будет прекрасным божьим наказанием. Но лучше с ними помириться.

8 марта 2005 года «Деяния» XXVI -17. Он слышит и выполнит (когда молишься, Бог с тобой разговаривает). Вы веруйте, вас всех равно услышат.

30 января 2006 года. Вообще я вижу, что мне важно не то, сколько я сделал, и что я сделал, а сам мой путь.

Жизнь с Лилей была подобна бурному роману. И если его описать, это будет увлекательное и поучительное чтение.

Лиля не высказывала ни малейшего желания говорить со мной, открыть мне свое сердце. Она намеренно только хищнически, потребительски относилась ко мне, не давая взамен абсолютно ничего – ни надежды, ни ласки, ни тепла. Я впервые вижу такую машину по потреблению человека.

Это был монстр, нечто наподобие животного – людоеда. А я ведь отдавал ей все так, словно я был загипнотизирован или же меня кто-то тащил на аркане. Только теперь я вернул себе свою волю. Я стал хозяин своей жизни. А все дело в моем «душесосрадании», она поймала меня на это. И я так глупо попался, и оправдывал себя тем, что якобы мне было жаль ее.

Я удивляюсь жестокому обворовыванию, которое я позволял Лиле, добровольно отдавал ей последние деньги. Она забирала деньги так жадно и безжалостно, не оставляя мне ни одного сума, не заботясь обо мне. А ведь я отдавал ей последнее. Она считает, что я должен голодать и эта жестокость меня сейчас больше всего ужасает. И чем больше я отдавал ей, тем более она становилась жаднее, наглее и более жестокой. Это страшно.

Писание дневника стало у меня такой необходимостью, как дыхание. Я пишу дневник в автобусах, по пути домой и обратно, и на остановке, где жду автобус, пишу и в перерыве за компьютерной работой,

когда мне что-то приходит в голову, и я хочу записать какую-то мысль, какое-то воспоминание, зафиксировать какое-то чувство, отразить впечатление.

Мои дневники, возможно, и есть «Записки сумасшедшего», как не раз называла Лили мои записки с презрением. Она вообще относилась с презрением ко всему. Я ни разу не видел у Лили чувств, никогда она не жаловалась. Она обладает железным волевым характером и способна все перенести. Она многому научила меня. Тому, что надо быть мужественным человеком – преодолевать себя, работая над собой, и самосовершенствоваться, уметь находить друзей, уметь быть очень внимательным.

Но как я мог так дать себя унижить, размазать по земле, когда она буквально вытирала об меня ноги и оплевывала все что есть во мне святого. Уж истинно, я был околдован ею и это похоже на род помешательства и я понял, что она пользовалась мной, использовала меня очень грубо, жестоко, безжалостно. А ведь я принял ее из церкви не как чудовищного монстра, а как несчастную бездомную, беспаспортную горемыку, как и ее собачки, которой надо помогать и которая без меня погибнет. Господи, как же я обманулся.

Господи, я ни о чем не жалею. Опыт бесценный. Это поворотная встреча в моей жизни. Возможно, я опишу это в романе, где я выплесну все, что я накопил из этих мучительных впечатлений.

Ну и хорошо, что я смог сбросить с себя это наваждение. Этот «сон разума», который поразил поистине – чудо вещей. «Дьявол поймал меня на похоти».

12-13 В офис «Эксперта» пришла уборщица Маша и демонстративно ненавидит меня и не здоровается, и называет меня на «ты».

Как похабны люди, какие скользкие темы они обсуждают, и я не могу сдерживать свой язык и болтаю много лишнего, но замечаю, что ко мне относятся как к дурачку. В моем деликатном поведении они видят черты женственности, а не мужчину.

В 13-29 Пришла Мира со своим драгоценным малышом, который мне внушает ужас, он как маленький инопланетянин. Она безумно любит его, таскает и в командировки и на работу. Не сдает в детский садик.

В 13-37 я поел суп, подогрел его с сухарями, и продолжаю работать, сдаю Зарине дайджест из 20 газет и прошу дать еще. Она не дает мне их. Придется к Арслану подойти, но не хочется портить отношения с Зариной.

Я так и слышу слова Лили – «Хера ли мне отказываться от халявы деньгами, вещами, продуктами, одеждой этого старый придурка, впервые увидевшего пизду». Какой цинизм! Но это не значит, что я человек похабный и глубоко испорченный. Я знаю, что во мне есть целомудренность.

15-55. Как жаль, что я так много отдал этой неблагодарной твари, помог подняться из грязной оборванной нищеты, куда она сама себя загнала, ради жизни со своими мерзкими собаками.

17-52. Я ужасаюсь хищной мелочности и тупости Лили, она обычное животное, но я принял ее как божественную Беатриче, как Лауру, как великую и божественную возлюбленную. И не мудрено было мне ошибиться, ибо она вела в начале себя, как гонимая и несчастная баба, но приодевшись, она вдруг явилась страшной фурией и показала оскал ведьмы. Превратилась в ведьму и стала вымогать у меня все деньги, нисколько не беспокоясь обо мне.

Я читал ей стихи о любви, Бог послал мне влюбленность, но любить можно нечто достойное. Беатриче не вымогала денег у Данте, Лаура не требовала одежды, еды, денег, она не материлась, не била о голову чайником и не оставляла после побоев спать зимой на бетонном полу на балконе.

В19-21 Позвонила Люда и предложила обдумать предложение продать Куйлюкскую квартиру за 7-8 тысяч, нукусскую квартиру за 1,5 тысячи и выслать Алиму. А мне купить однокомнатную квартиру здесь. Но я сказал, что мне ничего не надо от нее, ни куйлюкская квартира и что я сам заработаю себе на однокомнатную квартиру.

Один выход – это продать обе квартиры, мне повеситься и выслать деньги Алиму в Ленинград. Петя Петров купил в Гатчине квартиру за 8 тысяч долларов. Алим торопит продать здесь дом, чтобы ему там экономить на квартире.

Жду в автобусе возвращения домой. Арслан говорит, что Алим поругался с теткой Жени в Питере и пошел жить к Сергею, что теперь заработки у него 300-400 долларов в месяц, и что он требует продать его квартиру и прислать ему 6 тысяч на одну комнату в коммунальной квартире. Я сказал, чтобы он делал что хочет – мне все равно – ей нужно квартиру, пусть продает, пусть мне поищет однокомнатную квартиру и все. Сказал Арслану, что Алим пропьет деньги за квартиру.

Вот уже двенадцать, я печатаю газеты, перепечатаваю газеты, которые Арслан отмечает ручкой, а потом Зарина отмечает зеленым фломастером. И вижу что газет скопилось большое количество за годы. Я начал печатать их. И печатаю в офисе с утра до вечера. И тогда среди уборщиц, сторожа, Маши, Антона и его матери – начинается ревнивая зависть, и они тоже стали расхватывать газеты у Зарины, которая раздает их всем.

Конечно, я был глупец, ревнуя Лилию, и знаю, я убедил себя, что я полюбил Лилию великой любовью, что она для меня стала Богом, в то время, как она безжалостно меня мучила. Сначала отдалась мне, а потом отвергла меня. А я не хотел сам прогонять ее. Хотя много раз делал вид что выгоняю, требовал обратно вещи, но она так жадно цеплялась за них. Потом так же жадно цеплялась за мою квартиру, что я опять сдавался и опять оставлял ее там жить. Вообще мне не надо было приглашать ее к себе, хотя бы только потому что у нее была такса – рыжая злобная сука, которая для нее была самое близкое существо, которое она кормила докторской колбасой, пирожным и печеньями.

Кстати мне еще долг не отдал Эрик, который занял у меня 30 долларов и все это время тянет и не отдает. Но этот долг надо забыть ради его отца, Клементя. Эрик хитрый и не достоин того, чтобы ему помогать чем-либо. Ну, ладно.

Сегодня мне надо печатать. Печатать быстрее и держать руки на клавиатуре компьютера правильно. И стараться срочно и срочно работать. Надо деньги делать.

Вчера Арслан, разговаривая с Галиной, тетей Жени в Ленинграде, спросил ее о ценах на жилье.

Что-то Алим ведет себя там плохо. Пьет, ругается с Женей. А срывать зло на жене и детях – это подлое дело, как заметил Арслан. Тетка жены Алима - Галина им не довольна. Арслан объяснил ей, что у Алима было очень тяжелое детство и у него образовались комплексы, поэтому он огрызается.

8-05. Продолжаю печатать и стараюсь держать руки правильно на клавиатуре. Арслан вчера сказал о том, что винить в своих жизненных трудностях и неудачах женщин – это недостойно мужчины.

Алим вернется из Ленинграда и будет жить у меня в однокомнатной квартире. Я думаю, что мне нужна двухкомнатная квартира, потому что я не помещусь со своими книгами в однокомнатной квартире. Подскажу Арслану, чтобы он помог продать квартиру и купить мне однокомнатную квартиру и чтобы привезли мне вещи мои из Нукуса и помогли сложить все вещи в подвал. Мне надо было купить себе квартиру и от них отделиться. Теперь мне они не нужны.

Об Алиме Арслан говорит, что ему не следует возвращаться. Алим торопится забрать свою квартиру оттого, что появилась Лилия, и он боится, что эта квартира достанется ей. Я дам ему денег и тогда я ему больше ничего не должен. Надо купить им квартиру на Дубовой, а Куйлюкскую оставить себе.

Второй день с субботы нет Лили и она – сука, больше не придет. Жаль.